

УДК 94(367) : 81-112.4

Адьяева А.А.¹**ТАНАТОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ ЗИМЫ В СИСТЕМЕ ИСТОРИЧЕСКИХ
ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН**

Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова

Adyaeva A.A.

**TANATOLOGICAL IMAGES OF WINTER IN HISTORICAL REPRESENTATIONS
SYSTEM OF THE EASTERN SLAVES**

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

Аннотация: В статье предпринят анализ исторических представлений и особенностей восприятия зимних образов в культах, праздниках и мифологии восточных славян. Рассмотрены наиболее яркие танатологические образы, нашедшие отражение в летописях, летописных списках и фольклоре. В рамках диахронического подхода изучены структурно-функциональные особенности мифологем, исходя из источниковедческого анализа летописей, главными из которых являются Лаврентьевская и Ипатьевская. Методологический аппарат исследования построен на синтезе специально-исторических, источниковедческих и лингвистических методов. Сделан вывод о том, что ментальный комплекс восточных славян содержал двойственную оценку зимней символики и знаковой системы культовой обрядности, соответствовавшей сакральным образам «смерти» и «перерождения», о чем свидетельствует поздняя космология и ранняя космогония.

Abstract: The article undertakes an analysis of visible representations and the discovery of winter formations in the cults, holidays and mythology of the Eastern Slavs. The most vivid thanatological images reflected in chronicles, chronicle lists and folklore are excluded. Within the framework of the diachronic study of the study of the structural and functional features of mythologems, based on the initial analysis of the annals, Lavrentievskaya and Ipatievskaya are mainly from their application. The methodological apparatus of the research is built on the synthesis of special-historical, source study and linguistic methods. It is concluded that the mental complex of East Slavic origin has a double brief winter symbolism and signs of a system of cult rituals that corresponded to the sacred image of «death» and «rebirth», which is associated with late cosmology and early cosmogony.

Ключевые слова: летопись, образ, миф, мифологема, ментальность, обряд.

¹ Адьяева Амуланга Алексеевна – аспирант, Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова.

Key words: chronicle, image, myth, mythologeme, mentality, ritual.

Проблема исследования природных и божественных символов, ассоциирующихся с зимой и смертью и имеющих танатологические мотивы в славянской мифологии, на сегодняшний день является малоизученной с позиций истории и диахронии. В частности, особого внимания заслуживают исторические представления восточных славян, которые воспринимали зимнее время года и как период несчастий, связанных с голодом и мором скота, и как перспективу удачных новых начинаний. Такая двойственность связана, во-первых, с тем, что в центральной части Древней Руси исторически голод происходил каждые три года, когда запасы продовольствия истощались, и население неизбежно несло значимые потери, и, во-вторых, с тем, что насыщенный мифологемами культ земли предполагал динамичное развитие обрядово-культового и ритуального комплексов.

Актуальность исследования связана с возрастающей потребностью общества и с государственным заказом в изучении традиционных российских ценностей и представлениях о прошлом, среди которых особое место занимают особенности цивилизационного мировоззрения и миропонимания, заложенные акторами фольклора, представителями древнеславянской виры, и монастырскими летописцами, которые донесли до нас сведения об исторических представлениях своих современников.

Практическая значимость исследования восходит к его методическому потенциалу, а именно к возможности применения концептуального и содержательного блоков в рамках образовательной и просветительской деятельности российского учительства в школе. Знания об особенностях мифопоэзии и обрядов славянских племен также можно использовать на уровне высшего учебного заведения, в дальнейшем изучении традиционной культуры Древней Руси.

Научная новизна исследования выражена в новом взгляде на интраисторию славянского фольклора, рассматриваемую с позиций диахронии и семиотики. Исторические представления славян, которые ранее изучались с опорой на неопозитивистскую практику источниковедения, теперь могут быть раскрыты более подробно и тщательно.

Целью исследования является комплексный анализ исторических представлений восточных славян об образах зимы, составляющих основу их танатологии и эсхатологии.

Источниковая база исследования представлена двумя типами исторических источников: фольклором и письменными источниками. К устной народной традиции относятся сборники: «Русские народные сказки» А.Н. Афанасьева [1]; «Мифы и легенды древних славян» В.П. Бутромеева [2]. Письменные источники представлены архивными

сведениями и летописями, к ним относятся: «Архивы вологодских монастырей и церквей XV-XVII вв.», восстановленные М.С. Черкасовой [17]; «Софийская первая летопись по списку И. Н. Царского» [2]; «Ермолинская летопись» [5]; «Лаврентьевская летопись» [6]; «Летопись по Воскресенскому списку» [7]; «Львовская летопись» [8]; «Рогожский летописец» и «Тверской сборник» [9]; «Софийская вторая летопись» [10]; «Радзивилловская летопись» [11]; «Ипатьевская летопись» [12]; «Новгородская первая летопись (старшего и младшего изводов)» [13]; «Синописис Киевский» [14]; «Старорусские Киевская и Галицко-Волынская летописи» (Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Texts: Volume VIII) [18].

В представлениях о зиме древних славян (разных социальных групп) единой была ассоциативная связь наступления зимы, которая считалась «мертвым» временем года, и обретение силы зимними божествами. Зимой природа погружалась в сон, поэтому зима приобретала танатологические атрибуты. Как неделимое божество Зима была распространена в культуре венедов и антов. Но уже славяне традиционно воспринимали зиму как группу божеств со своими уникальными характеристиками и личностными качествами [3, с. 19].

Следует отметить, что в культуре восточных славян зимние божества были актуальны не только для ильменских словен. Своеобразные традиции, связанные с почитанием Мары и Морока сложились у древлян и дреговичей. Так, например, древляне «умыкали девиц у воды», то есть, поджидали их у рек, куда те приходили с ведрами и коромыслом [4]. Эта традиция связана с почитанием водных духов, мавок, которые, согласно мифам, прислуживали Водяному и Морозу – древними стихийными воплощениями природы, не вполне олицетворенным, как Мара, суровая зимняя богиня, символизирующая могущество ветра, или Велес, мудрый и справедливый повелитель земли и лесов [2].

Согласно Хлебниковскому списку, вплоть до XVI в. у христианского населения Руси сохранялись языческие обряды, связанные не только с празднованиями прихода-ухода зимы, но и со сложными повседневными ритуалами. Так как треть списка составляет Галицко-Волынская летопись, то многие примеры описывают жизнь четырех крупнейших городов Галицко-Волынского княжества: Перемышля, Звенигорода, Теробовли и Галича. В частности, в сцене из жизни крестьян Галича XVI в. упоминается о почитании таких зимних божеств, как Мара, Мороз и Карачун. Таким образом, можно говорить о сохранении многих мифологем дохристианской Руси в сознании крестьянства [18].

В восточнославянском мире существовало множество зимних божеств. Во-первых, это первородные божества, непосредственно связанные со стихийной силой ветра, льда и холода. В именах этих богов общим является корень «мор»: Мороз, Мор, Морок, Морозко и

Мара-Марена. Особое место занимал Карачун, воплощавший неизбежную смерть от холода. Во-вторых, выделялись божества из поздних мифов с выделяющимися личностями, ставшие впоследствии фольклорными персонажами: Студенец, Трескун, Студенец, Зимник, Зюзя, Вихрь и Позвизд. Часть из них были заимствованы из западнославянской мифологии. Например, польское божество Позвизд («Pogwizd»), олицетворявшее холодный ветер [3].

Известно, что князь Владимир в числе кумиров, установленных в Киеве в 980 г., выделял Позвизда: «Третій – Позвизд, інші ж кликали його Похвистом 475, деякі називали Вихром, сповідуючи, буцім був богом вишини, доброї та поганої погоди...» [15]. Интересным является то, что автор летописи сравнивает Позвизда с Вихрем, хотя в западнославянской мифологии – это разные божества. Позвизд управлял бурями и метелями, а Вихрь – губительными порывами ветра; из-за характерного завывания сильного ветра поляки приписывали Вихрю функцию контроля над волками, волкодлаками. У восточных славян этой функцией обладал Велес [16].

Молодые божества Буря и Метель были связаны с животным миром: Буря призывала медведей-шатунов, а Метель – волков. Согласно народным поверьям, Буря и Метель служили Карачуну – богу лютой зимы и смерти. Несмотря на это, считалось, что они отгоняют колдунов и нечистую силу. У восточных славян были специальные круглые подвески-обереги, с характерной яргой, изображающей два порыва ветра – Бурю и Метель [7].

Мороз считался центральным зимним божеством. Иногда его называли Морозко, Дед Мороз или Старик Мороз. В фольклоре он описывается как седой старик с длинной седой бородой в бледно-синей шубе, валенках, рукавицах, с большой шапкой и ледяным посохом. Мороз в мифах, как и Сварог, имел функции бога-кузнеца, так как от удара его посоха о землю вода и почва покрывались льдом, при взмахе рукой Мороз вызывал порывы ветра со снегом. Он управлял всеми аспектами «плохой» погоды с ее табуированными признаками [12].

В отличие от сформировавшегося в позднем фольклоре образа, в мифах Мороз предстает как жестокий бог, насылающий мор, болезни, лютые холода и смерть. В дохристианской Руси Мороза задабривали. Существовал обряд «Кормления», который должен был сделать зиму более теплой и приблизить весну. До нас дошла присказка «Мороз! Мороз! Не бей наш овес». С распространением христианства произошел синтез обряда «Кормления» с колядованием [1; 6].

В летописях образы Мора и Морока являлись прямым воплощением смерти. Главная функция Мора – сопровождающая, как у Харона в древнегреческой мифологии. Мор не

являлся повелителем Царства мертвых, эту функцию выполнял Велес или Вий. Морок находился на ступень ниже в божественной иерархии, он губил скот и насылал проклятия на деревни, которые не задабривали Мороза. Исходя из этого, можно сделать вывод, что зимние божества подчинялись Морозу, у него на службе состояли Мор и Морок, которым подчинялись все прочие зимние божества, исключая Мару, Карачуна и Позвизда. Причем, последний не входил в эту иерархию вовсе, так как пришел в восточнославянскую мифологию уже когда пантеон зимних божеств полностью сформировался [8; 11].

Морозко был воплощением Мороза, по другим сведениям – это ласковое название Мороза, которое применялось в обряде «Кормления», чтобы задобрить божество. В летописях встречается редко, только летопись по Воскресенскому списку содержит сведения о том, что Мороз и Морозко – разные божества [9]. Морозко в фольклоре являлся в образе богатого барина, напоминал крестьянам о приближении Коляды. Несмотря на это, обожествленный образ Коляды относился к пантеону солнечных богов, Морозко в сказках обычно почтительно отзывается о Коляде, в то время, как Мороз его боится, или, как минимум, избегает. Возможно, это связано с тем, что в мифах к Морозу привязан образ Снегурочки, тогда как Морозко – самостоятельное божество, получившее распространение в фольклоре [1].

Трескун у восточных славян выполнял функции трикстера, являясь полной противоположностью личности Деда Мороза. В то же время, в летописях Трескун обладал теми же способностями, что Мороз и Морозко. В Софийской летописи Трескун описывается как злобный сгорбленный старик с длинной нечесаной бородой. Из дошедших до нас в виде фольклора данных о родственных связях Трескуна известно немного. Если у Мороза была внучка Снегурочка, то внучкой Трескуна иногда называется Метель. Супругой Трескуна была верховная богиня Зима, воплощение разрушительной силы зимнего времени года, ипостась смерти и холода [2; 10].

Аналогом Зимы считается богиня Мары или Марена, повелительница мертвых, кумир которой изображали с длинным серебряным серпом. Одежда Мары по-своему уникальна в пантеоне зимних божеств, так как в качестве основного орнамента используется не ярга, а луны и полумесяцы. Таким образом, можно считать, что образ Мары соотносился у древних славян одновременно со смертью, зимой и луной. В большей степени, по выполняемым функциям Мара была похожа Селену, богиню луны у греков, особенно, это касалось ранних мифов. Мара присутствует в общеславянской космогонии. В восточнославянской мифологии образ Мары не претерпел значительных изменений [10].

Менее распространены были Зимник и Зюзя. Зимник – «посыльный» Зимы или

Мары, старик в белой шубе и с железной булавой в руках (атрибут, свойственный для зимних божеств из западнославянской мифологии). Зюзя – подслеповатый босой старик с длинной бородой, был распространен у кривичей, дреговичей и, в меньшей степени, у радимичей. Считался добрым божком, близким к домовому. По народным поверьям, Метель и Буря брали себе в услужение медведей и волков, сами же подчинялись Карачуну, покровителю колдунов и ведьм [13].

Образы центральных богов Мары и Мороза ассоциировались со смертью через зиму – концепт, содержащий в себе такие понятия, как ветер, холод и пр. И только Карачун являлся, прежде всего, богом смерти, функции бога зимы были вторичны. Интересным фактом является и то, что из всех зимних божеств собственного культа не было только у Карачуна [12]. В дохристианской Руси существовали даже культы Мора и Морока, что свидетельствует о том, что Карачун был более табуирован, наравне с Виём, Чернобогом. Судя по всему, именно Карачун завершал триглав богов смерти у древних славян, до выделения из него самостоятельных кругов (составных частей пантеона) [14].

Праздником Карачуна считался первый Новый год на Руси – 22 декабря (день зимнего солнцестояния). В дохристианской Руси в этот день приветствовали знахарей, одаривали колдунов сладостями и медом. С конца X – начала XI вв. в этот день «изгоняли» ведьм как посредниц зимних духов. Одним из младших божеств или старших духов считалась Снежная Баба – обобщенный образ злой женщины, дородные формы которой символизировали возрождение природы (что было свойственно практически всем индоевропейским зимне-весенним женским божествам) [17].

Лепка Снежной Бабы изначально считалась магическим ритуалом, но затем вошла в повседневность и стала постепенно десакрализоваться. Так, посох в руках был заменен на метлу, шапка на ведро, а уголь в виде пуговиц – на камни. Окончательная десакрализация произошла, когда Снежная Баба превратилась в снеговика. Сложно сказать, был ли снеговик воплощением какого-либо зимнего божества, например, Зюзи или Зимника. По крайней мере, ни в фольклоре, ни в Полном собрании русских летописей нет данных, на основе которых это можно было бы установить [17].

Воплощением Зимы в виде юной девушки была Снегурочка, внучка Деда Мороза. Исходя из семантики слова, можно предположить, что образ Снегурочки был связан со снегом, с приданием ему изысканной формы или долговечности. Видимо, поэтому ни в летописях, ни фольклоре Снегурочка не имеет видимых стихийных атрибутов, как Мороз или Мара. Примечательный сюжет о Снегурочке содержится в Ермолинской летописи: Снегурочка убегает от Мороза, находит деревню и друзей, решает остаться там и погибает

весной, прыгая через костер. Ее убивает Кострома, солнечное божество, дочь Купальницы и Семаргла (Симаргла). После смерти Снегурочка превращается в облако и возвращается девой в новую зиму [5].

В упрощенном виде этот сюжет содержится в некоторых русских народных сказках [1]. Хотя смерть приближает Снегурочку к старшим духам, ее возвращение говорит скорее о цикличности образа божества, а не о конечности как таковой. На этой позиции также стоял Б.А. Рыбаков [14].

Таким образом, в восточнославянской мифологии устойчивой являлась связь зимы и смерти. Многие зимние божества были сакрализированы, тогда как табуирован был лишь образ Карачуна. Такие боги, как Зима, Мороз, Мор, Морок, Морозко и Мара-Марена считались «старшими» и обладали выдающимися стихийными способностями, они не были покровителями для какой-либо части населения, определенной трудовой сферы, зато принимали дары в обмен на теплую короткую зиму. Им были посвящены обряды и праздники, а символика зимних божеств отличалась уникальностью и самобытностью.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Афанасьев, А. Н. Русские народные сказки. Полное издание в одном томе. – М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020. – 1087 с.: ил.
2. Буганов, В. И. Софийская первая летопись по списку И. Н. Царского: (Полное собрание русских летописей) / В. И. Буганов, Б. М. Клосс, А. П. Богданов. – Москва: Федеральное государственное унитарное предприятие "Академический научно-издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский центр "Наука", 1994. – 204 с. – ISBN 5-02-008670-3.
3. Бутромеев, В. П. Мифы и легенды древних славян / Под ред. В. П. Бутромеева, В. В. Бутромеева. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2013. – 448 с.: ил.
4. Гончаров, А. С. Содержательный блок вводной лекции о культуре и культурных чертах восточнославянских племен для программы бакалавриата, направление подготовки «История» (46.03.01) / А. С. Гончаров // StudNet. – 2021. – Т. 4. – № 6.
5. Клосс, Б. М. Ермолинская летопись. (Полное собрание русских летописей. Том XXIII) / Б. М. Клосс. – Москва: Языки славянских культур, 2004. – 256 с. – ISBN 5-7859-0150-1.
6. Клосс, Б. М. Лаврентьевская летопись (Полное собрание русских летописей) / Б. М. Клосс. – Москва: Языки рус. культуры, 1997. – 733 с. – ISBN 5-7859-0026-2.

7. Клосс, Б. М. Летопись по Воскресенскому списку: (Полное собрание русских летописей) / Б. М. Клосс. – Москва: Языки русской культуры, 2001. – 360 с. – ISBN 5-7859-0137-4.
8. Клосс, Б. М. Львовская летопись / Б. М. Клосс. – Москва: Издательство "Языки славянских культур", 2005. – 704 с. – (Полное собрание русских летописей). – ISBN 5-94457-046-6.
9. Клосс, Б. М. Рогожский летописец. Тверской сборник. (Полное собрание русских летописей. Том XV) / Б. М. Клосс. – Москва: Языки русской культуры, 2000. – 432 с. – ISBN 5-7859-0127-7.
10. Клосс, Б. М. Софийская вторая летопись. (Полное собрание русских летописей. Том VI. Выпуск 2) / Б. М. Клосс, С. Н. Кистерев, Л. А. Тимошина. – Москва: Языки русской культуры, 2001. – 240 с. – ISBN 5-7859-0136-6.
11. Полное собрание русских летописей. – Т. 38: Радзивилловская летопись / Редакторы: М. П. Ирошников, М. В. Кукушкина, Я. С. Лурье, подготовка издания: М. Д. Приселков, О. П. Лихачева, Р. М. Мавродина, Е. К. Пиотровская, предисловие: Я. С. Лурье, указатели: А. А. Цеханович; Библиотека АН СССР, Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР. – Л.: Наука, 1989. – 179 с.
12. Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись / отв. ред. В. И. Буганов. - Репринт. с изд. 1908г., 2-е изд. / под ред. А. А. Шахматова. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 938 с. – ISBN 5785900572.
13. Полное собрание русских летописей. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / предисл. Б. М. Клосса. – Репринт. с изд. 1950 г. / под ред. А. Н. Насонова. – М.: Языки русской культуры. – 704 с.: ил. – ISBN 5785901269.
14. Рыбаков, Б. А. Язычество древних славян. – М.: Наука, 1981. – 607 с.
15. Синописис Киевский (на украинском языке): <http://litopys.org.ua/synopsis/syn04.htm> (Дата обращения: 08.01.2023).
16. Скованные льдом и зимние божества // Семантические параллели фольклорных архетипов: мифологический аспект. – Владикавказ: Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, 2014. – С. 59-67.
17. Черкасова, М. С. Архивы вологодских монастырей и церквей XV-XVII вв: Исследование и опыт реконструкции / М. С. Черкасова; Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. – Вологда: Древности Севера, 2012. – 576 с. – ISBN 978-5-93061-070-3.

18. The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles: The Ostroz'kyj (Xlebnikov) and Četvertyns'kyj (Pogodin) Codices (Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Texts: Volume VIII). – Harvard: Harvard University Press, 1990. – 761 p.

REFERENCES (transliteration)

1. Afanas'ev, A. N. Russkie narodnye skazki. Polnoe izdanie v odnom tome. – M.: «Izdatel'stvo AL'FA-KNIGA», 2020. – 1087 s.: il.
2. Buganov, V. I. Sofijskaya pervaya letopis' po spisku I. N. Carskogo: (Polnoe sobranie russkikh letopisej) / V. I. Buganov, B. M. Kloss, A. P. Bogdanov. – Moskva: Federal'noe gosudarstvennoe unitarnoe predpriyatie "Akademicheskij nauchno-izdatel'skij, proizvodstvenno-poligraficheskij i knigorasprostranitel'skij centr "Nauka", 1994. – 204 s. – ISBN 5-02-008670-3.
3. Butromeev, V. P. Mify i legendy drevnih slavyan / Pod red. V. P. Butromeeva, V. V. Butromeeva. – M.: OLMA Media Grupp, 2013. – 448 s.: il.
4. Goncharov, A. S. Soderzhatel'nyj blok vvodnoj lekicii o kul'ture i kul'turnyh chertah vostochnoslavyanskikh plemen dlya programmy bakalavriata, napravlenie podgotovki "Istoriya" (46.03.01) / A. S. Goncharov // StudNet. – 2021. – T. 4. – № 6.
5. Kloss, B. M. Ermolinskaya letopis'. (Polnoe sobranie russkikh letopisej. Tom HHIII) / B. M. Kloss. – Moskva: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2004. – 256 s. – ISBN 5-7859-0150-1.
6. Kloss, B. M. Lavrent'evskaya letopis' (Polnoe sobranie russkikh letopisej) / B. M. Kloss. – Moskva: Yazyki rus. kul'tury, 1997. – 733 s. – ISBN 5-7859-0026-2.
7. Kloss, B. M. Letopis' po Voskresenskomu spisku: (Polnoe sobranie russkikh letopisej) / B. M. Kloss. – Moskva: Yazyki ruskoj kul'tury, 2001. – 360 s. – ISBN 5-7859-0137-4.
8. Kloss, B. M. L'vovskaya letopis' / B. M. Kloss. – Moskva: Izdatel'stvo "Yazyki slavyanskikh kul'tur", 2005. – 704 s. – (Polnoe sobranie russkikh letopisej). – ISBN 5-94457-046-6.
9. Kloss, B. M. Rogozhskij letopisec. Tverskoj sbornik. (Polnoe sobranie russkikh letopisej. Tom XV) / B. M. Kloss. – Moskva: Yazyki ruskoj kul'tury, 2000. – 432 s. – ISBN 5-7859-0127-7.
10. Kloss, B. M. Sofijskaya vtoraya letopis'. (Polnoe sobranie russkikh letopisej. Tom VI. Vypusk 2) / B. M. Kloss, S. N. Kisterev, L. A. Timoshina. – Moskva: Yazyki ruskoj kul'tury, 2001. – 240 s. – ISBN 5-7859-0136-6.
11. Polnoe sobranie russkikh letopisej. – T. 38: Radzivilovskaya letopis' / Redaktory: M. P. Iroshnikov, M. V. Kukushkina, Ya. S. Lur'e, podgotovka izdaniya: M. D. Priselkov, O. P. Lihacheva, R. M. Mavrodina, E. K. Piotrovskaya, predislovie: Ya. S. Lur'e, ukazateli: A. A. Cekhanovich; Biblioteka AN SSSR, Leningradskoe otdelenie Instituta istorii SSSR AN SSSR. – L.: 26

Nauka, 1989. – 179 s.

12. Polnoe sobranie russkikh letopisej. T. 2: Ipat'evskaya letopis' / otv. red. V. I. Buganov. - Reprint. s izd. 1908g., 2-e izd. / pod red. A. A. Shahmatova. – M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1998. – 938 s. – ISBN 5785900572.

13. Polnoe sobranie russkikh letopisej. T. 3: Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov / predisl. B. M. Klossa. – Reprint. s izd. 1950 g. / pod red. A. N. Nasonova. – M.: Yazyki russkoj kul'tury. – 704 s.: il. – ISBN 5785901269.

14. Rybakov, B. A. Yazychestvo drevnih slavyan. – M.: Nauka, 1981. – 607 s.

15. Sinopsis Kievskij (na ukrainskom yazyke): <http://litopys.org.ua/synopsis/syn04.htm> (Data obrashcheniya: 08.01.2023).

16. Skovannye l'dom i zimnie bozhestva // Semanticheskie paralleli fol'klornyh arhetipov: mifologicheskij aspekt. – Vladikavkaz: Severo-Osetinskij gosudarstvennyj universitet im. K.L. Hetagurova, 2014. – S. 59-67.

17. Cherkasova, M. S. Arhivy vologodskih monastyrej i cerkvej XV-XVII vv: Issledovanie i opyt rekonstrukcii / M. S. Cherkasova; Vologodskij gosudarstvennyj istoriko-arhitekturnyj i hudozhestvennyj muzej-zapovednik. – Vologda: Drevnosti Severa, 2012. – 576 s. – ISBN 978-5-93061-070-3.

18. The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles: The Ostroz'kyj (Xlebnikov) and Četvertyns'kyj (Pogodin) Codices (Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Texts: Volume VIII). – Harvard: Harvard University Press, 1990. – 761 p.

Рецензенты:

Калиновская Е.А. – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романо-германской филологии и лингводидактики Северо-Кавказского федерального университета.

Гончаров А.С. – кандидат исторических наук, доцент, специалист по региональному казаковедению, сотрудник Научно-исследовательского управления Ставропольского государственного педагогического института.